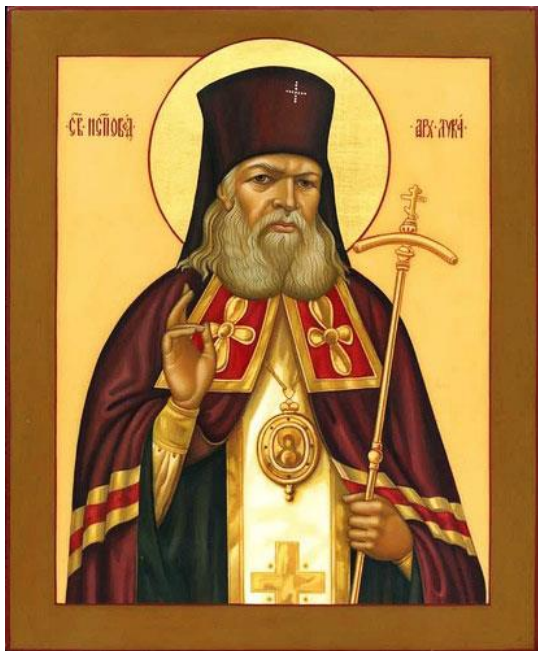

Память 11 июня (ст.стиль 29 мая)

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский, Крымский

Дни памяти

8 февраля (переходящая) - Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской
18 марта - Обретение мощей
5 июня - Собор Ростово-Ярославских святых
11 июня - Собор святых Красноярской митрополии
1 августа - Собор Курских святых
10 августа - Собор святых Тамбовской митрополии
21 сентября (переходящая) - Собор Алтайских святых
1 ноября - Собор святых Архангельской митрополии
2 декабря - Собор новомучеников и исповедников Крымской митрополии
28 декабря - Собор Крымских святых

Свт. Лука (Войно-Ясенецкий, 1877–1961) – архиепископ, выдающийся хирург и профессор медицины. Родился в Керчи. Сочетал врачебную практику с пастырским служением. В 1923 году принял монашество и епископский сан. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам за открытое исповедание веры и противостояние антирелигиозной политике советской власти (провёл в заключении около 11 лет), но продолжал служить Церкви и оперировать. Последние 15 лет жизни провёл в Крыму, будучи архиепископом Симферопольским. Прославлен в лике святых в 1995 году. Почитается как чудотворец, его мощи в Симферополе источают исцеления.

Предисловие

История нашей страны знает множество людей, послуживших ее становлению, возвеличивая ее как святую Русь. Но где она, святая Русь? И можем ли мы назвать так современную Россию? Вопрос непростой, но ответ на него, как видится, лежит вне физических законов и исторических рамок. Святая Русь – это вневременное устройство. Это сонм святых, живших на Руси во все века и сохранявших верность Господу. К великому сонму святых, явленных и неявленных, в тяжелейшем для Церкви XX веке присоединился целый собор новомучеников и исповедников Российских.

И среди них мы видим величественную фигуру святителя Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого; 1877–1961) – ученого с мировым именем, профессора хирургии и топографической анатомии, одного из основателей регионарной анестезии и гнойной хирургии.

В течение многих лет Валентин Феликсович работал земским врачом в самых разных частях России – от юга родины до самых крайних точек на севере страны. В самый разгар антирелигиозной пропаганды профессор, главный врач большой больницы города Ташкента, хирург принимает священный сан. «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: "Не

могу молчать!“. И я чувствовал, что мой долг – защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому», – вспоминает он.

В 1923 году отец Валентин (Войно-Ясенецкий) принял монашеский постриг с именем Лука и был рукоположен во епископа. В сане епископа за исповедание православной веры прошел тернистый путь лагерей, принимал участие в Великой Отечественной войне, в 1946 году возведен в сан архиепископа, награжден правом ношения бриллиантового креста на клобуке. За выдающиеся научные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях крупных суставов» был награжден Сталинской премией I степени, а за участие в Великой Отечественной войне медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Практически до последних дней святитель Лука сочетал епископское служение с хирургической практикой. В 1995 году он был причислен к лику святых Украинской Православной Церкви, в 1999 году – к лику святых Красноярской епархии. В 2000 году – к лику святых Русской Православной Церкви.

Детство и юность

27 апреля 1877 года в городе Керчи в семье провизора Феликса Станиславовича Войно-Ясенецкого и его жены Марии Дмитриевны родился третий сын Валентин. Всего же в семье Войно-Ясенецких было пятеро детей: Павел, Ольга, Валентин, Владимир и Виктория. Отец был благочестивым католиком и держался несколько отстраненно от остальной, воспитанной в православном духе, части семьи. Искренние молитвы родителей Валентин наблюдал с раннего детства, что, несомненно, повлияло на формирование его мировоззрения.

Сам он вспоминал об этом так: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома...», «Мать усердно молилась дома» и далее: «Если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень набожного отца. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял...». Мальчик рос в атмосфере христианской любви и послушания. С детства он отличался спокойным и твердым характером, рано проявил художественные наклонности, окончил одновременно гимназию и художественную школу и стал готовиться к экзаменам в Академию художеств.

По окончании гимназии восемнадцатилетнему Валентину был подарен Новый Завет. Вот как вспоминает об этом святитель в мемуарах: «Правильное представление о Христовом учении я... вынес из усердного чтения всего Нового Завета, который, по доброму старому обычаю, я получил от директора гимназии при вручении мне аттестата зрелости как напутствие в жизнь. Очень многие места этой Святой Книги, сохранявшейся у меня десятки лет, произвели на меня глубочайшее впечатление. Они были отмечены красным карандашом. Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою (Мф.9:37). У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: "О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!". Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

Готовясь стать художником, Войно-Ясенецкий увлеченно занимался рисованием, но, в отличие от своих товарищей по зарисовкам, он выбирал не пейзажи окрестностей Киева и не жанровые сцены. Валентина влекла духовная сторона жизни: «В это время впервые проявилась моя религиозность. Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах. Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже

сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы не оставил живописи. Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью».

Однако во время вступительных экзаменов в Петербургскую Академию художеств юношей овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь он избирает: «Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей», – вспоминал святитель.

Подобный выбор пути – помощь и просвещение народа – соответствовал распространенным в то время в среде русской интеллигенции народническим идеям. Часто народничество связывалось с толстовством. Но от толстовства Валентина оттолкнул сам Толстой брошюрой «В чем моя вера?». Святитель вспоминал об этом так: «Однако мое толстовство продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда я прочел его запрещенное, изданное за границей сочинение "В чем моя вера?", резко оттолкнувшее меня издевательством над православной верой. Я сразу понял, что Толстой – еретик, весьма далекий от подлинного христианства. И хоть увлечение толстовством безвозвратно ушло, но осталось искреннее желание послужить своему народу, чтобы облегчить его страдания».

По мнению Валентина, полезной для страдающих людей была медицина, так как именно в медицинской помощи особенно нуждалась российская глубинка. Но осуществить свое решение и начать учебу на медицинском факультете Валентину Войно-Ясенецкому удастся не сразу: еще год он проучился в художественной школе в Мюнхене, затем (в 1897–1898 годах) на юридическом факультете Киевского университета.

В 1898 году он поступает на медицинский факультет. Учился Валентин на одни пятерки и резко выделялся среди студентов превосходно выполненными препарациями трупов: «Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии... мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и оказались правы, хотя я и протестовал против их предсказаний». На четвертом и пятом курсах он увлекся глазными болезнями. Из массы студентов его выделяли высокие моральные требования к себе и другим, чуткость к чужому страданию и боли, открытый протест против насилия и несправедливости. Можно сказать, что первая проповедь будущего святителя была произнесена в университете на 3-м курсе. В один из дней перед лекциями Войно-Ясенецкий узнал, что в пылу спора его сокурсник ударил другого студента по лицу, и это, кроме того, было окрашено национальными красками:

«...перед одной лекцией я узнал, что один из товарищей по курсу – поляк – ударил по щеке другого товарища – еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все примолкли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка. Я говорил о высших нормах нравственности, о перенесении обид, вспомнил великого Сократа, спокойно отнесшегося к тому, что его сварливая жена вылила ему на голову горшок грязной воды. Эта речь произвела столь большое впечатление, что меня единогласно избрали старостой».

После блестяще сданных выпускных экзаменов и получения диплома с отличием Валентин страшно обескуражил сокурсников заявлением, что его жизненный путь – это путь земского врача. «"Как, Вы будете земским врачом? Ведь Вы ученый по призванию!" – воскликнули коллеги. Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским – мужицким врачом, помогать бедным людям», – писал в мемуарах святитель Лука.

Начало профессиональной деятельности

Но сразу земским врачом Войно-Ясенецкому стать не пришлось: в 1904 году в качестве добровольца он был направлен в госпиталь Красного Креста под Читу, где в лазарете на 200 коек его назначили заведующим хирургическим баракком. Уже в первые месяцы практической работы проявился его твердый, волевой характер и высокий профессионализм, об этом времени святитель вспоминал так: «...не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими...». Там же он женился на сестре милосердия Анне Ланской, которая покорила хирурга «исключительной добротой и кротостью характера».

Много жизней спас военно-полевой хирург Войно-Ясенецкий. Один из раненых офицеров в знак благодарности за спасенную жизнь пригласил после войны Валентина Феликсовича с молодой женой Анной жить и работать у него на родине, в Симбирске. Приглашение было принято. Это одна из версий, почему молодой врач приехал именно в Симбирскую губернию. Но по другой версии, представленной народным врачом СССР В.С. Поросенковым, Войно-Ясенецкому посоветовали ехать именно туда ученые с мировым именем Филатовы, родом симбирские.

К моменту приезда В.Ф. Войно-Ясенецкого местная больница, по меркам того времени, относилась к разряду средних. Кроме амбулатории, у нее был стационар на 35 коек. Работа земского врача мало отличалась от работы военно-полевого хирурга: 14–16-часовой рабочий день, те же стоны и страдания измученных болезнью людей. Разница лишь в том, что единственному врачу приходилось быть и акушером, и педиатром, и терапевтом, и окулистом, и хирургом... «Я поступил врачом в Ардатовское земство Симбирской губернии. Там мне пришлось заведовать городской больницей. В трудных и неприглядных условиях я сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии», – вспоминает Войно-Ясенецкий.

Хорошей помощницей ему была жена, Анна Васильевна. Все трудные земские годы Анна Васильевна не только вела дом, но и профессионально помогала мужу. Причиной непродолжительной деятельности в Ардатове (всего 10 месяцев) стала неудовлетворенность одаренного врача от работы с неквалифицированным медицинским персоналом. Эта проблема была во всех земских больницах того времени; при сложных хирургических случаях непрофессионально выполненный общий наркоз часто приводил к смертельным исходам. Яркий случай был описан хирургом Войно-Ясенецким в истории болезни ардатовского периода в июле 1905 года. В амбулаторию ардатовской больницы обратился старик огромного роста и богатырского сложения – карбункул нижней губы. Срочная операция под наркозом была проведена успешно, но спасти больного не удалось. О выводах из подобных клинических случаев сам святитель вспоминал так: «Надо отметить, что в ардатовской больнице я сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости по возможности шире заменять его местной анестезией». Впоследствии хирург Войно-Ясенецкий значительно развил и усовершенствовал один из основных методов местной анестезии – регионарную, или проводниковую, анестезию, при которой путем укола в соответствующий нерв или нервный узел удается обезболить целую область, на которой производится оперативное вмешательство.

В наши годы в Ардатове на здании районной больницы установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь работал великий хирург, а в ардатовской Никольской церкви представлены для поклонения частицы святых мощей владыки.

Курская губерния

В ноябре 1905 года Валентин Феликсович переехал в деревню Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии, где заведовал маленькой участковой больницей на 10 коек. Помимо этого молодой врач принимал участие в обсуждении целого ряда вопросов, связанных с его земством, в которое входило еще несколько сел и деревень: возвращение с воинской службы земских врачей, созыв съезда врачей, постройка заразных барачков в сельских больницах, посещение школ врачами. Ему также поручили устройство ясель в населенных пунктах и деревнях на его участке. После санитарных советов Валентин Феликсович возвращался домой только к вечеру и сразу же ехал в больницу оперировать. «...В маленькой участковой больнице на десять коек я стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон, и из других уездов Курской губернии, и соседней, Орловской», — вспоминает свои будни святитель. В то время была широко распространена трахома глаз, лишавшая зрения тысячи людей. Валентин Феликсович возвращал им возможность видеть. В своей автобиографии он приводит по этому поводу следующий курьезный случай: «...молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

Сам святитель так подвел итог своей работы в любажской больнице: «Чрезмерная слава сделала мое положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил».

В период работы в Курской области (с 1905 по 1908 год) хирург Войно-Ясенецкий выполнил более 1500 сложнейших операций, обобщил ряд хирургических случаев и опубликовал свои первые научные статьи: «Невроматозный элевантиаз лица, плексиформная неврома», а также «Ретроградное ущемление при грыже кишечной петли». В 1907 году Валентин Феликсович был переведен в Фатеж, где заведовал более крупной больницей на 60 коек, и проработал там недолго. Именно в Фатеже в семье родился первенец – сын Михаил. Известно, что в это время святитель посещал Глинскую Рождество-Богородицкую и Коренную общежительную пустынь, где имел долгие беседы с настоятелем пустыни игуменом Исаией. Настоятель показывал ему монастырскую больницу, аптеку с запасом медикаментов и хирургических инструментов.

Из Фатежа Войно-Ясенецкие переехали в начале 1908 года на Украину в город Золотоношу. Там в семье родился второй ребенок – дочка Елена. О работе в этом городе Войно-Ясенецкого в качестве врача в амбулатории нет никаких сведений, но известно, что в августе 1908 года, оставив семью на Украине, Валентин Феликсович едет в Москву. Поездка туда была мотивирована научным интересом Войно-Ясенецкого: во время работы в земствах перед ним остро встала проблема операций под местным наркозом, повлияла и новая в то время книга немецкого профессора Г. Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения». Святитель вспоминал: «Я с жадностью прочел ее и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой

весьма недавно были опубликованы. Я запомнил, между прочим, что осуществление регионарной анестезии седалищного нерва Браун считает едва ли возможным. У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее». И вот в сентябре 1908 года Войно-Ясенецкий поступает в экстернатуру при Московской хирургической клинике известного профессора – хирурга П.И. Дьяконова.

Оказалось, что профессор Дьяконов ничего не слышал и не знает об этой теме, но с радостью одобрил работу над ней Валентина Феликсовича. В результате кропотливой и упорной работы появились ценные научные результаты. Но финансовые трудности заставили прервать научную работу и продолжить практическую хирургию в земствах. Семья Войно-Ясенецких отправилась в Саратовскую губернию.

В 1909 году Валентин Феликсович уехал в село Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии. Здесь он принял больницу на 25 коек. Участок Романовской волости был самым большим в губернии, соответственно этому рост числа заболеваний и госпитализированных больных был значительно выше, чем в других волостях. Молодой и энергичный главврач был единственным хирургом в больнице. На собственные средства он купил микроскоп и после операций готовил и исследовал препараты тканей. В районных больницах этим будут заниматься уже в послевоенные годы; В.Ф. Войно-Ясенецкий делал это в 1909 году.

Переяславль-Залесский

В 1909 году Войно-Ясенецкий становится главным врачом городской больницы в Переяславле-Залесском, где на 30 койках без электричества, водопровода, рентгеновского аппарата ему удается за год выполнить более 1000 стационарных и амбулаторных операций (такой объем работ выполняют сейчас за год бригады из шести-семи хирургов; при этом для оказания подобной широты операционной помощи понадобятся врачи не менее шести или семи хирургических специальностей). С 1913 года здесь же он начинает заведовать госпиталем для раненых, проводя самые сложные хирургические вмешательства.

В годы Первой мировой войны В.Ф. Войно-Ясенецкий оперировал не только гражданских больных, но и военных, в том числе и раненых пленных. В связи с условиями военного времени в 1914 году больница работала напряженно. «В течение года поступило 1464 больных, 74 из них умерло, 22 после хирургических операций, 52 в терапевтическом отделении. Всего 5 % летальности — это небольшой процент, учитывая военное время. Число коек в больнице увеличилось в 1914 году до 84, вследствие открытия заразного лазарета на 16 коек для раненых, поступивших с театра военных действий», — вспоминает Валентин Феликсович. Несомненно, В.Ф. Войно-Ясенецкому в научной и практической хирургической работе помогали его поразительное чувство осязания и талант художника. Очевидцы рассказывают, что действия его как хирурга были необыкновенно точны, соразмерны и виртуозны. «Тончайшее чувство осязания, очевидно, было врожденным у отца. Он как-то, беседуя с нами, его детьми, на эту тему, решил доказать нам это "на деле". Сложил десять листков тонкой белой бумаги, а затем попросил давать задания: одним взмахом острого (это было обязательным условием!) скальпеля разрезать любое количество листков. Опыт оказался весьма удачным. Мы были поражены!» — позднее рассказывал его сын Михаил.

Из медицинских отчетов того времени видно, что часто услугами хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого пользовались семьи священников, а также насельники переяславских монастырей и монахини Федоровского монастыря, стоящего недалеко от земской больницы.

Продолжает святитель трудиться и над разработкой нового метода местного обезболивания. В 1915 году монография «Регионарная анестезия» под фамилией В.Ф. Войно-Ясенецкого вышла в свет, а в 1916 году автор защитил ее как диссертацию на степень доктора медицины. Работа над диссертацией заняла у него всего восемь месяцев.

После блестящей защиты докторской диссертации ему было присвоено звание доктора медицины и вручена награда Варшавского университета за лучшее сочинение, пролагающее новые пути в медицине. И книга, и диссертация получили высочайшие оценки. Известный ученый профессор Мартынов в официальном отзыве как оппонент писал: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее». В диссертацию «Регионарная анестезия» были включены отчеты о деятельности Переяславской земской больницы, отличные иллюстрации и фотографии (фотографированием святитель начал увлекаться в Переяславле).

Занимаясь исследованием и внедрением в практику регионарной анестезии, Валентин Феликсович в это же время задумал изложить свой опыт работы в книге, которую решил озаглавить как «Очерки гнойной хирургии». Вот что вспоминает об этом сам святитель: «...в Переяславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге — "Очерки гнойной хирургии". Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа". Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось, но неведомые нам пути жизни нашей вполне известны Всеведущему Богу уже когда мы во чреве матери. Как увидите дальше, уже через несколько лет стала полной реальностью моя неотвязная мысль: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа"».

В Переяславле-Залесском в 2001 году в память о деятельности В.Ф. Войно-Ясенецкого на здании переяславской больницы была открыта мемориальная доска: «Здесь, в бывшей земской больнице, в 1910–1916 гг. работал главным врачом и хирургом профессор медицины святитель Лука, архиепископ Крымский (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) 27.04.1877–11.06.1961».

Туркестан

Переехать в Среднюю Азию, в сухой жаркий климат, семью Войно-Ясенецких заставила болезнь Анны Васильевны. Супруга Валентина Феликсовича еще в Переяславле-Залесском заразилась туберкулезом легких. В Ташкенте ее состояние несколько улучшилось. Шел трагический для всего русского народа семнадцатый год, Гражданская война была в самом разгаре, бушевала она и в Туркестане. В это время Ташкентская городская больница на 1000 коек, куда был назначен главным врачом Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, очень напоминала земскую: такая же бедность во всем, плохие железные кровати, забитые больными палаты и коридоры. Профессор Ошанин, коллега Валентина Феликсовича, вспоминал, что на улицах Ташкента тогда было далеко не безопасно, нередко были перестрелки. Кто, в кого, зачем стрелял, не всегда бывало понятно — но жертвы были. Раненых привозили в больницу, и Войно-Ясенецкого нередко вызывали среди ночи на операции. При этом никто и никогда не видел его раздраженным или недовольным. Случалось, раненые поступали один за другим, и он всю ночь оперировал. По свидетельству медицинского персонала, в операционной Валентин Феликсович никогда не повышал голос, говорил спокойно, ровно. С таким хирургом было хорошо работать всем: и ассистентам, и медицинским сестрам.

В 1919 году в Ташкенте было жестоко подавлено восстание против новой власти Туркменского полка, началась расправа с участниками контрреволюции. По ложному доносу Войно-Ясенецкий оказался в их числе и провел под арестом сутки. Для многих арест закончился расстрелом. Валентина Феликсовича отпустили, но его жена пережила тяжелое нервное потрясение. Это пагубно сказалось на ее здоровье. Болезнь прогрессировала, и вскоре Анна Васильевна умерла, оставив четверых детей, из которых старшему было двенадцать лет, а младшему — шесть.

В молитве над усопшей женой Валентин Феликсович получил откровение об устройении своих детей в жизни. Вот как он сам вспоминал об этом: «Господу Богу было ведомо, какой тяжелый, тернистый путь ждет меня, и тотчас после смерти матери моих детей Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Велецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: неплодную вселяет в дом мать, радуящуюся о детях (Пс.112:9), – я без сомнения принял как Божие указание возложить на нее заботы о моих детях и воспитании их». София Сергеевна Велецкая долго жила в семье Войно-Ясенецких, в семье младшего сына святителя Луки, – вплоть до самой своей смерти. Но, как говорил сам архиепископ Лука, «она была только второй матерью для детей, ибо Всевышнему Богу известно, что мое отношение к ней было совершенно чистым». На могиле же Анны Васильевны был поставлен крест, на котором Валентин Феликсович собственной рукой написал: «Чистая сердцем, алчущая и жаждущая правды...».

Осенью 1920 года открылся Ташкентский университет, одним из инициаторов его открытия стал Валентин Феликсович. Профессор Войно-Ясенецкий возглавил кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии. Он вспоминал об этом так: «Большинство кафедр было замещено избранными из числа ташкентских докторов медицины, и только я один был почему-то избран в Москве на кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии».

«Доктор, вам надо быть священником...»

При всей своей загруженности главврача и практикующего хирурга Ташкентской городской больницы, заведующего кафедрой медицинского университета Валентин Феликсович проявлял себя как сознательный и активный член Церкви, болеющий душой за ее судьбы. «Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его. По одному из обсуждавшихся вопросов я выступил с довольно большой речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы. Видный протоиерей Михаил Андреев, настоятель приокзальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Я часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьезные беседы. Я, конечно, не знал, что они будут только началом моей огромной проповеднической работы в будущем», – вспоминал святитель Лука.

На одном из епархиальных съездов Валентин Феликсович выступил с продолжительной и горячей речью. Это стало одним из решающих моментов в его жизни: «Когда кончился съезд и присутствовавшие расходились, я неожиданно столкнулся в дверях с владыкой Иннокентием. Он взял меня под руку и повел на перрон, окружавший собор. Мы обошли два раза вокруг собора, Преосвященный говорил, что моя речь произвела большое впечатление, и, неожиданно остановившись, сказал мне: "Доктор, вам надо быть священником!" ...У меня никогда не было и мысли о священстве, но слова преосвященного Иннокентия принял как Божий призыв устами архиерея и, ни минуты не размышляя, ответил: "Хорошо, Владыко! Буду священником, если это угодно Богу!"... Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я в сопровождении двух диаконов вышел в чужом подряснике к стоявшему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время литургии – и в сан диакона... Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием». Наряду со священническим служением отец Валентин Войно-Ясенецкий

по-прежнему оперировал и преподавал на кафедре в медицинском университете. «Мне пришлось совмещать свое священническое служение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди: в то время еще было возможно невозможное теперь. Я оставался и главным хирургом Ташкентской городской больницы, потому служил в соборе только по воскресеньям. Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: "Ваше дело не крестити, а благовестити"» (ср.: 1Кор.1:17), – вспоминал он.

Принятие сана произвело огромную сенсацию в Ташкенте, а сам Войно-Ясенецкий говорил о причинах, побудивших его к началу служения Церкви, так: «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: "Не могу молчать!". И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому».

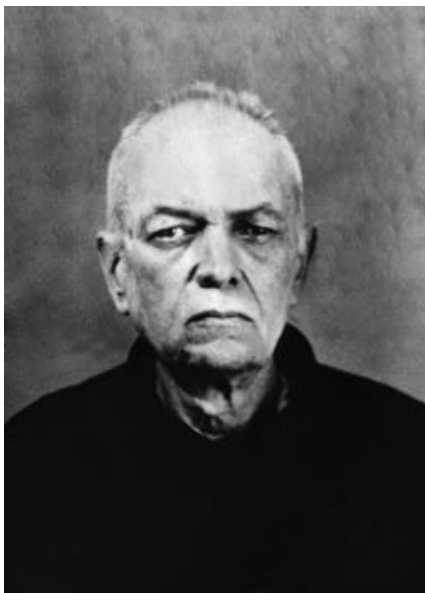
Промысел Божий поставил отца Валентина в это тяжелое и смутное время защитником христианства. Немой проповедью было и то, что лекции в Ташкентском университете он читал неизменно в рясе и с крестом на груди. Кроме проповеди за богослужением, он проводил беседы каждый воскресный день после вечерни в соборе, и это были, как вспоминал сам святитель, «долгие беседы на важные и трудные богословские темы, привлекавшие много слушателей, целый цикл этих бесед был посвящен критике материализма».

В 1921–1923 годах власти и «живоцерковники», созданные как раскол внутри самой Церкви, устраивали в Ташкенте специальные диспуты с целью атеистической пропаганды. У отца Валентина Войно-Ясенецкого не было специального богословского образования, но его огромная эрудиция, искренняя вера в Бога и знание учения отцов Церкви позволяло одерживать блестящие победы в многочисленных дискуссиях и диспутах. Верующие, да и неверующие всегда были на его стороне. Он сам вспоминал об этом так: «...мне приходилось в течение двух лет часто вести публичные диспуты при множестве слушателей с отрeksiвшимся от Бога протоиереем Ломакиным, бывшим миссионером Курской епархии, возглавлявшим антирелигиозную пропаганду в Средней Азии.

Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника от веры, и верующие не давали ему прохода вопросом: "Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?". Несчастный хулиатель Бога стал бояться меня и просил устроителей диспутов избавить его от "этого философа" ... Однажды, неведомо для него, железнодорожники пригласили меня в свой клуб для участия в диспуте о религии. В ожидании начала диспута я сидел на сцене при опущенном занавесе и вдруг вижу – поднимается на сцену по лестнице мой всегдашний противник. Увидев меня, крайне смутился, пробормотал: "Опять этот доктор", поклонился и пошел вниз. Первым говорил на диспуте он, но, как всегда, мое выступление совершенно разбило все его доводы, и рабочие наградили меня громкими аплодисментами». Отец Валентин Войно-Ясенецкий готов был мужественно отстаивать свою веру перед всеми, в том числе и перед представителями безбожной власти. Пример этого можно найти в его автобиографии, когда он выступал в качестве защитника в так называемом «деле врачей», сфабрикованном властями. «"Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы его видели, своего Бога?" – спрашивал чекист Петерс. "Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель, – отвечал отец Валентин. – Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил". (Колокольчик председателя потонул в долго не смолкавшем хохоте всего зала.)».

Исповедничество

Церковная жизнь в Ташкенте постепенно ухудшалась. Это было связано с тем, что обновленцы, пользуясь поддержкой ОГПУ, захватывали храмы, изменяя богослужения и весь строй церковной жизни. Отец Валентин Войно-Ясенецкий бесстрашно призывал свою паству не впадать в самый большой грех – раскола и ереси. После отъезда из города правящего архиерея народ единодушно избрал отца Валентина его преемником, и 31 мая 1923 года Войно-Ясенецкий, принявший монашеский постриг с именем апостола Луки, стал епископом. Вот как вспоминал свою первую архиерейскую службу святитель Лука: «На воскресенье, 21 мая, день памяти равноапостольных Константина и Елены, я назначил свою первую архиерейскую службу. Преосвященный Иннокентий уже уехал. Все священники кафедрального собора разбежались, как крысы с тонущего корабля, и свою первую воскресную всенощную и литургию я мог служить только с одним протоиереем Михаилом Андреевым. ...На моей первой службе в алтаре присутствовал преосвященный Андрей Уфимский; он волновался, что я не сумею служить без ошибок. Но, по милости Божией, ошибок не было».

Реакция власти на появление в Туркестане правящего архиерея, который был знаменитым хирургом, профессором и ученым, не замедлила проявиться. Сразу же стали приниматься меры по дискредитации епископа в официальной печати, содержащие ясный призыв к властям – возбудить уголовное дело против Войно-Ясенецкого. 10 июня 1923 года епископ Лука был арестован. Вот как он сам вспоминал свой первый арест: «Я спокойно отслужил вторую воскресную всенощную. Вернувшись домой, я читал правило ко Причащению Святых Тайн. В 11 часов вечера – стук в наружную дверь, обыск и первый мой арест. Я простился с детьми и Софией Сергеевной и в первый раз вошел в "черный ворон", как называли автомобиль ГПУ. Так положено было начало одиннадцати годам моих тюрем и ссылок».

В тюремной камере в Ташкенте святитель пишет завещание своей пастве, в котором предостерегает от молитвенного общения с раскольниками-обновленцами и их епископом, которого он называет диким вепрем: «Внешностью богослужения, творенного вепрем, не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, веprü не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет веprü, считать себя отлученными Богом от храмов и ввергнутыми в голод слышания слова Божия». Завещание было передано на волю одним верующим работником тюрьмы. Оно быстро разошлось среди паствы святителя Луки, и храмы, где служили раскольники, опустели.

Во время пребывания в тюрьме святитель закончил последнюю главу книги «Очерки гнойной хирургии», над которой он трудился более 20 лет, называемую «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его». Вот что вспоминает сам святитель: «Я обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любезен, что предоставил мне право писать в его кабинете по окончании его работы. Я скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе я написал: "Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии". Так удивительно сбылось таинственное и непонятное мне Божие предсказание об этой книге, которое я получил еще в Переяславле-Залесском несколько лет назад: "Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа"».

«Очерки гнойной хирургии» были изданы четырежды: в 1934-м, 1946-м, 1956-м и 2000 годах. В предисловии к первому изданию епископ Лука писал, что эта книга подводит итог его многолетним наблюдениям в области гнойной хирургии.

Аресты и ссылки

После длительного следствия мерой наказания для святителя Луки определили ссылку в город Енисейск Красноярского края. Туда его отправили в начале зимы 1923 года. В Енисейске на квартире святитель Лука и другие ссыльные священнослужители совершали по воскресеньям и другим праздничным дням всенощное бдение и литургию. Вот что вспоминает об одной такой службе святитель: «В один из праздничных дней я вошел в гостиную, чтобы начать литургию, и неожиданно увидел стоявшего у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел при виде меня и даже не поклонился. Придя в себя, он сказал, отвечая на мой вопрос, что в Красноярске народ не хочет иметь общения с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за триста к югу от Красноярска, где жил православный епископ, имени его не помню. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то неведомая сила увлекла его в Енисейск ко мне. "А почему же ты так остолбенел, увидев меня?" – спросил я его. "Как было мне не остолбенеть?! — ответил он. — Десять лет тому назад я видел сон, который как сейчас помню. Мне снилось, что я в Божием храме, и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда Вы вошли, я увидел этого архиерея!" Монах сделал мне земной поклон, и за литургией я рукоположил его во иеромонаха. Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в городе Переяславле-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был епископом. Так неисповедимы пути Господни».

В Енисейске святитель работал в городской больнице, где блестяще выполнял хирургические, гинекологические, глазные и другие операции, а также вел большой прием у себя на квартире. Сам владыка вспоминал: «Мой приезд в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими». Но возрастающая популярность ссыльного епископа сделала невыносимым его пребывание со стороны местных властей, кроме того, благодаря активной проповеднической деятельности святителя православное население Енисейска перестало посещать обновленческие церкви и окормлялось у святителя Луки. В результате из Енисейска уже местные власти переправили ссыльного в еще более глухой край – в Туруханск.

По воспоминаниям святителя, его встретили очень хорошо: «В Туруханске, когда я выходил из баржи, толпа народа, ожидавшая меня, вдруг опустилась на колени, прося благословения. Меня сразу же поместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы, поздно распознав у себя рак нижней губы, уехал в Красноярск, где ему была сделана операция, уже запоздалая, как оказалось впоследствии. В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала сестра из Красноярска – молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие большие операции, как резекция верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных».

Работая в больнице, владыка, как и раньше, благословлял больных. По воскресеньям и праздничным дням святитель совершал богослужения в церкви, которая находилась на расстоянии чуть меньше километра от больницы, но прихожане решили, что выезд архиерея в храм должен происходить с большим почетом, на покрытых ковром санях. Духовная жизнь с прибытием в Туруханск святителя заметно оживилась. Местная община подчинялась Красноярскому живоцерковному раскольническому архиерею. Владыка Лука своей проповедью о грехе раскола и неканоничности обновленческой церкви привел к

покаянию всю туруханскую паству, присоединив ее к законной Православной Церкви, возглавляемой Патриархом-исповедником Тихоном. Все это послужило поводом к дальнейшей высылке святителя.

В зимнюю стужу 1924–1925 годов архиепископа Луку отправили в енисейскую глухомань за сотни километров севернее Полярного круга. Палачи, видимо, рассчитывали на верную гибель ссыльного. Условия, в которых оказался святитель, были очень тяжелые. Это была плохо отапливаемая в лютый мороз изба, с льдинами вместо окон и никогда не тающим снегом на полу, но и здесь святитель был истинным пастырем стада Христова. Вместе с немногочисленными жителями поселения он читал Евангелие, крестил их детей. Но и Плахино не стало постоянным местом ссылки – святителя возвратили в Туруханск, где он пробыл еще восемь месяцев. Срок ссылки истек в январе 1926 года, и святитель вернулся в Красноярск на санях по замерзшему Енисею. На протяжении этого длинного и трудного пути его неизменно встречали толпы народа, и он совершал богослужения в переполненных храмах, много проповедовал.

С 1927 по 1930 год епископ жил в Ташкенте как частное лицо, так как был лишен и епископской, и университетской кафедры. Он вспоминал: «Занимаясь только приемом больных у себя на дому, я, конечно, не переставал молиться в Сергиевском храме на всех богослужениях, вместе с митрополитом Арсением стоя в алтаре». При этом владыка не только лечил, но и оказывал материальную помощь неимущим пациентам. Однажды он принял брата и сестру, отец которых умер, а мать попала в больницу. Вскоре девочка стала помогать ему во врачебных приемах. Владыка постоянно посылал ее по городу разыскивать больных бедняков. Другая девочка, которой он помог, вспоминала о беседах с епископом Лукой: «Любой разговор как-то сам собой поворачивался так, что мы стали понимать ценность человека, важность нравственной жизни».

В 1930 году его вновь арестовали. Теперь – по обвинению в выдаче «ложной справки о самоубийстве» профессора Михайловского, который находился в состоянии душевной болезни. Этот документ разрешал отпевание, но он же послужил формальным поводом к аресту святителя. Итог следствия в ОГПУ – «выслать в Северный край сроком на 3 года». Владыка Лука в автобиографии вспоминал истинные причины ареста: «23 апреля 1930 года я был вторично арестован. На допросах я скоро убедился, что от меня хотят добиться отречения от священного сана». Ссылку в Архангельск сам владыка считал весьма легкой, в городе он работал хирургом в большой амбулатории. Ссылка закончилась в ноябре 1933 года. Вернувшись в Ташкент, он не смог найти работы. Место врача в районной больнице ему дали в небольшом среднеазиатском городке Андижан. А через год он вернулся в Ташкент, где в городской больнице заведовал гнойным отделением.

Осенью 1934 года в Медгизе вышло первое издание книги «Очерки гнойной хирургии», ставшей практически пособием для нескольких поколений хирургов. Но не только технической стороне – постановке диагнозов и оперативным методам лечения учит святитель на страницах этой книги – подлинно человеческим отношением к больному, христианским милосердием дышат подобные строки: «Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость и тот интерес, который она может представить, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется "случаем". Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле...». На протяжении всей книги перед читателем проходят яркие образы людей с их страданиями и немощью. В предисловии к пятому изданию «Очерков гнойной хирургии» говорится, что «по своим научным, клиническим и литературным достоинствам книга В.Ф. Войно-Ясенецкого представляется уникальной, не имеющей аналогов в мировой медицинской литературе. Скромно названная автором "очерками", она справедливо может считаться "Энциклопедией гнойной хирургии" или "Энциклопедией пиологии"».

В 1935–1936 годах епископ работал в Ташкенте в Институте неотложной помощи, читал лекции в Институте усовершенствования врачей. Утро владыки начиналось в семь часов с молитвы в храме, где он служил и проповедовал по воскресным и праздничным дням.

В 1937 году святителя Луку обвинили в шпионаже в пользу иностранной разведки. Для сфабрикованного дела необходимы были ложные признания, их выбивали из владыки многомесячными пытками и издевательствами. Сам архиепископ говорил об этом так: «Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине извиваются змеи. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой».

Милостью Божией владыка, которому к тому времени было уже 60 лет, с крайне подорванным в предыдущих ссылках здоровьем выдержал и эти мучения. Следствие, как и перед предыдущими двумя ссылками, зашло в тупик, поскольку святитель не признавал ложные обвинения. Но, несмотря на это, епископа осудили и отправили в пятилетнюю ссылку в Красноярский край. Пригнали епископа Луку в село Большая Мурта, расположенное в 130 верстах к северу от Красноярска. Там в районной больнице святитель развил активную хирургическую деятельность, а из Ташкента владыке присылали много историй болезни пациентов с гнойными заболеваниями для нового издания «Очерков гнойной хирургии». Эта книга вместе с монографией «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» стала большим подспорьем в работе фронтовых хирургов в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов.

Великая Отечественная война. Архиерейское служение в Красноярске

С началом войны с фашистской Германией владыка из ссылки пишет телеграмму на имя Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». Его незамедлительно назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 15–15 в Красноярске. Два года он с полной отдачей сам лечил офицеров и солдат. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палатки по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами», – вспоминал он. Приезжавший в госпиталь инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из эвакуационных госпиталей не наблюдалось подобных блестящих результатов лечения раненых, как у владыки Луки.

До 1943 года владыка был лишен возможности совершать богослужения, так как в Красноярске, городе с многотысячным населением, последнюю из множества церквей закрыли перед войной. И вот в марте 1943 года святителя назначили архиепископом Красноярским. Он писал сыну: «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий». Признание святителя в светских кругах росло, он вспоминал:

«Почет мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают». Конечно же, владыка знал об изменении отношения государства к Церкви в связи с войной и мировым положением страны, но в то же время в одном из писем сыну есть такие строки: «В Красноярске, в "кругах" говорили обо мне: "Пусть служит, это политически необходимо". ...Я писал тебе, что дан властный приказ не преследовать меня за религиозные убеждения. Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...» И в другом письме: «Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять».

В Красноярске началась переписка святителя с митрополитом Сергием Страгородским, которая имела немаловажное значение для подготовки Собора епископов Русской Православной Церкви 1943 года для избрания Патриарха всея Руси. Архиепископ Лука принял непосредственное участие в составлении документов Собора. Он был членом Священного Синода.

Тамбовская епархия

Красноярская ссылка закончилась в конце 1943 года. Святителя сразу же назначили архиепископом Тамбовской епархии, где он в течение двух лет одновременно работал хирургом в госпиталях и служил в церкви. В управлении епархией архиепископ Лука сразу столкнулся со множеством трудностей. Тамбовский храм, долгие годы содержавший под своей кровлей рабочие общежития, доведен был до последней степени запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами. Владыка Лука без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу, которой оказалось еще больше, чем в Красноярске. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось 150 госпиталей, от 500 до 1000 коек в каждом. Также он консультировал хирургические отделения большой городской больницы. Владыка Лука по-прежнему был готов работать сутками, несмотря на то, что ему было уже под 70. В письме сыну он писал: «Приводим церковь в благолепный вид... Работа в госпитале идет отлично... Читаю лекции врачам о гнойных артритях... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать».

«Моя слава – большое торжество для Церкви...»

В конце 1945 года владыку и его секретаря пригласили в облисполком, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После вручения медалей председатель сказал, что хотя труд Войно-Ясенецкого как консультанта эвакогоспиталя завершен (госпитали эти осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы (он подчеркнул это "вы", давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про

что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле». У областного начальства эти слова вызвали шок. Какое-то время в президиуме и в зале царила тягостная тишина. Кое-как придя в себя, председатель залепетал, что прошлое пора-де забыть, а жить надо настоящим и будущим. И тут снова раздался басовитый голос владыки Луки: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!».

За опубликованные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» владыке присудили Сталинскую премию I степени с денежным вознаграждением. Его он пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Отечественной войне. «Множество поздравлений отовсюду, – писал владыка Лука после получения премии. – Патриарх, митрополиты, архиереи, Карпов (Председатель Совета по делам РПЦ), Митярев, Третьяков, Академия медицинских наук, Комитет по делам высшей школы, Богословский институт, профессора и проч., и проч. Превозносят чрезвычайно... Моя слава – большое торжество для Церкви, как телеграфировал Патриарх». Это и было самой большой наградой для владыки Луки – слава матери Церкви, за которую он готов был претерпеть любые мучения и даже смерть. Владыка Лука считал, что его научный труд привлечет к православию многих интеллигентов. Так оно и было. В одной передаче радиостанции Би-Би-Си того времени сообщалось, что группа французских юношей и девушек перешла в православие, сославшись в своей декларации на христианских ученых в СССР – Ивана Павлова, Владимира Филатова и архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого). «Сегодня подтвердилось мое мнение, что я немалый козырь для нашего правительства, – писал владыка Лука сыну. – Приехал специально посланный корреспондент ТАСС, чтобы сделать с меня портреты для заграничной печати. А раньше из Патриархии просили прислать биографию для журнала Патриархии и для Информбюро. Два здешних художника пишут мои портреты. Только что вернувшийся из Америки Ярославский архиепископ уже читал там в газетах сообщения обо мне как об архиепископе – лауреате Сталинской премии... Завтра приедет из Москвы скульптор лепить мой бюст...».

За большие заслуги перед Русской Церковью архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука в феврале 1945 года был награжден Патриархом Алексием (Симанским) правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда. В эти же годы (1945–1947) святитель пишет богословский труд «Дух, душа и тело», который считал главным трудом своей жизни (эта книга была издана только в 1992 году). «Дух, душа и тело» является трудом апологетическим, направленным к материалистически настроенной интеллигенции.

Поэтому взаимоотношения духа, души и тела святитель рассматривал с точки зрения науки: физики и медицины; подводил под свои выкладки философское обоснование, а выводы его зиждутся на основательной базе Священного Писания. Вместе с читателем святитель Лука проходит путь от знания к вере – в отличие от того, как воспринимает мир верующий человек, идя от веры к знаниям. Для самого святителя Луки, крупного ученого и богослова, не было разрыва веры

и разума, науки и религии, и Божий мир воспринимался им как целое. Отсюда и его

потребность как талантливого ученого и человека, наделенного благодатью веры, дать свое целостное видение мира и человека для следующих поколений.

В настоящее время в Тамбове открыт музей истории медицины, в основе экспозиции которого представлены фотографии святителя Луки, его документы, личные вещи, хирургические инструменты, прижизненные издания научных работ, тексты проповедей. Тамбовская городская больница носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В 1993 году больницу освятил Святейший Патриарх Алексей II. На территории больницы установлен памятник профессору медицины архиепископу Луке.

Крымская епархия

В связи с назначением на Симферопольскую и Крымскую кафедру 26 мая 1946 года владыка переехал в Симферополь. Сам святитель вспоминал: «В мае 1946 года я был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского. Студенческая молодежь отправилась встречать меня на вокзал с цветами, но встреча не удалась, так как я прилетел на самолете. Это было 26 мая 1946 года».

В Симферополе, в отличие от других городов, святителю Луке не дали возможности заниматься лечением больных и научной деятельностью, хотя он и продолжал принимать безвозмездно больных на дому. Несколько раз владыка выступал с чтением лекций и докладов по вопросам гнойной хирургии в разных местах Крыма, но рост его популярности беспокоил партийные органы. На докладах святителя атеистически настроенные профессора требовали, чтобы владыка выступал в гражданской одежде. Узнав это, святитель Лука сказал: «Что им далась моя ряса, не все ли равно, как я одет и что на мне, я же не читаю врачам лекции по богословским наукам, а только по вопросам хирургии».

В результате сложившейся ситуации святитель Лука решил оставить активную медицинскую деятельность и направить все силы на управление епархией, которая после войны была в полном упадке. Несмотря на преклонный возраст и подорванное десятилетиями ссылкой и тюрем здоровьем (в частности, частичную потерю зрения), святитель часто сам ездил по приходам для ознакомления с приходской общиной и состоянием храмов.

Так, например, в 1947 году владыка объехал 50 приходов епархии из 58, повсюду служил и проповедовал. В отчете за этот год святитель писал о том, что Крымская епархия одна из самых бедных: бытовые условия многих священников плачевны и нетерпимы, их доходы менее чем нищенские. У священника ялтинской церкви сумма доходов едва покрывала скромный постный стол, а на одежду и обувь ничего не оставалось. Многие священники вследствие такого положения вынуждены были наниматься на тяжелые черные работы. Жилищные условия духовенства также были довольно тяжелыми. Среди церковных старост было много воров, расхищавших церковные доходы. По отзывам крымских старожилов, религиозность русского населения Крыма всегда была низкая, и церкви поддерживались главным образом греками и болгарями, которые во время войны были выселены из Крыма. Верующих отвлекали от Церкви запрещением учителям и школьникам ходить в храм. Над школьниками, посещавшими церкви, издевались, на родительских собраниях всячески высмеивались верующие. Плохо обстояли дела с церквями Крымской епархии. Уполномоченные по делам религии писали о том, что многие церкви в Крыму давно бы перестали существовать, если бы архиепископ Лука не поддерживал их материально, не переводил бы священников в пустующие храмы. Но положение с кадрами в епархии было катастрофическое, священников не хватало. Священников же из других епархий в Крыму не прописывали, и они вынуждены были уезжать, духовных школ в епархии не было, и богословский уровень подготовки священнослужителей оставлял желать лучшего.

С помощью указов святитель старался повысить духовный уровень священнослужителей, давая распоряжение служить ежедневно даже в сельских храмах.

«Если будет знать верующий народ, что каждое утро открыт храм, что даже при невозможности ежедневно совершать в нем Божественную литургию читаются в нем часы и служитя обедница, то сила Божия упрочит благочестие, привлечет в храмы все больше людей, видящих, что священник каждый день молится о них», – писал святитель духовенству епархии.

В годы управления Крымской епархией Высокопреосвященнейший Лука произнес большую часть своих проповедей. Он начал проповедовать еще в Ташкенте, но по причине ареста и ссылки многие годы вынужден был молчать. Однако с весны 1943 года, когда в Красноярске открылся храм, и до конца жизни архиепископ Лука проповедовал неустанно: писал проповеди, произносил их, правил, рассылал листки с текстом по городам страны. «Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе», – говорил он. По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: «Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви, но в прежнее время Церковь была в руках правительства, царя, а царь был религиозным, он строил церкви, а теперь такого правительства нет. Наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка верующих русских людей, и терпят беззакония другие... Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога».

Проповеди святителя составляют 12 томов. В 1957 году в Московской Духовной Академии была создана специальная комиссия под председательством профессора гомилетики протоиерея Александра Ветелева для изучения проповедей святителя Луки. В заключении комиссии было сказано, что проповеди архиепископа Луки, его труд «Дух, душа и тело» представляют исключительное явление в современной церковно-богословской литературе, а святитель был удостоен звания почетного члена Московской Духовной Академии. Сам святитель писал, что проповедями будут пользоваться только в библиотеке Академии, они не увидят свет до изменения отношения правительства к Церкви. В наши дни, к великой радости верующих, труды святителя стали доступны широкому кругу читателей.

В 1958 году владыка Лука полностью ослеп. Несмотря на это, до конца жизни он продолжал архиерейскую службу, выступал с проповедями перед прихожанами и настолько точно исполнял все детали службы, что никто не мог догадаться о слепоте пастыря.

Блаженная кончина святителя Божия

11 июня 1961 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Лука скончался. Прощаться с великим архиереем вышел весь город: люди заполнили крыши, балконы, сидели даже на деревьях. Огромная процессия в течение нескольких часов провожала своего пастыря под пение «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!» через весь город. Его похоронили на маленьком церковном кладбище при Всехсвятском храме Симферополя, куда позднее ежедневно приезжали и приходили родственники и православные странники, больные, ищущие исцеления, – и каждый получал искомое. Архипастырь и после смерти своей Святым Духом продолжал исцелять людей, о чем собраны многочисленные устные и письменные свидетельства.

Почти 35 лет мощи святого покоились в земле.

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен Православной Церковью к лику местночтимых святых Крыма. Его мощи были перенесены в кафедральный Свято-Троицкий собор Симферополя 17–20 марта 1996 года. На панихиде Высокопреосвященнейший владыка Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский,

отметил: «Впервые на Крымской земле происходит событие исключительной важности. Яркая личность архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) видится нам сегодня спасительным маяком, к которому каждый из нас должен направлять свой взор, по которому должны ориентироваться общественные силы, ищущие возрождения нашего народа».

В крестном ходе от могилы до кафедрального собора участвовало около 40 тысяч человек. В Симферопольской и Крымской епархии торжество прославления святителя Крымского Луки состоялось 24–25 мая 1996 года.

В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе святитель Лука (Войно-Ясенецкий) был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память ему установлена 11 июня, а также 25 января (7 февраля) – вместе со святыми новомучениками и исповедниками Российскими и 15 (28 декабря) – собор всех Крымских святых.

В Симферополе, в парке, который носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), установлен памятник святому. В архиерейском доме, где жил и трудился святитель Лука с 1946 по 1961 год, находится часовня. Верующие греки в благодарность за исцеление от болезней по молитвам святого пожертвовали на изготовление раки для мощей святителя 300 килограммов серебра.

Подвиг святителя Луки – подвиг ревностного стояния в православной вере в смутную эпоху явных и тайных перерождений – ныне особенно актуален. И многие из нас сегодня с надеждой и любовью произнесут: «Святителю отче Луко, моли Бога о нас!».

Саратовская епархия

В Саратовской области почитание святителя Луки (Войно-Ясенецкого) возрастает с каждым годом. Так, на здании романовской больницы, где работал святитель Лука в 1909 году, размещена мемориальная доска. В поселке Шиханы Вольского района больничный храм освящен во имя святителя Луки.

По инициативе и при участии руководства Саратовского государственного медицинского университета, медицинского персонала 3-й городской клинической больницы города Саратова в 2007 году было начато строительство храма во имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Первый символический камень в основание храма после совершения молебна заложили Епископ Саратовский и Вольский Лонгин, ректор СГМУ П.В. Глыбочко и главный врач больницы В.В. Рощепкин. Строительство храма шло быстрыми темпами, и уже 10 июня 2009 года, в день празднования 100-летия открытия университета, накануне дня памяти святителя Луки, было совершено освящение храма и первая литургия в нем.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-luka-vojno-jaseneckij>

Тропарь, глас 1

Возвестителю пути спасительного, исповедниче и архипастырю Крымския земли, истинный хранителю отеческих преданий, столпе непоколебимый, Православия наставниче, врачу богомудрый, святителю Луко, Христа Спаса непрестанно моли веру непоколебиму православным даровати и спасение, и велию милость.

Кондак, глас 1

Якоже звезда всесветлая, добродетельми сияющи, был еси святителю, душу же равноангельну сотворил, сего ради святительства саном почется, во изгнании же от безбожных много пострадал и непоколебим верою пребыв, врачебною мудростию многия исцелил еси. Темже ныне честное тело твое от земленных недр обретенное дивно Господь

прослави, да вси верни вопием ти: радуйся, отче святителю Луко, земли Крымстей похвало и утверждение.

Молитва

О, святителю Луко, исповедниче и угодниче Христов! Услыши нас, грешных, со умилением припадающих к раце честных и многоцелебных мощей твоих, и принеси молитву нашу к Милостивому Человеколюбцу Богу, Емуже ты ныне со всеми святыми предстоиши. Испроси у Христа Бога нашего, коемуждо дар благопотребен и вся, яже ко спасению полезная, да утвердит ны в вере Православней и благочестии, яко избавльшися от козней лукаваго, избегнем всякия вражды, нестроений, ересей и расколов.

О, целителю предивный и врачу безмездный! Уврачуй благодатию, данной тебе от Бога, язвы душ и телес наших, да не неисцелени отыдем из сей жизни временней, но да чисти и непорочни предстанем Престолу Божию, прославляюще Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Память святой мученицы Феодосии

О святой Феодосии тирской¹ Евсевий², епископ Кесарии палестинской³, свидетель-очевидец, сообщает следующее: "В то время как в стране нашей вот уже пять лет продолжалось гонение, поднятое на христиан нечестивыми идолопоклонниками, в семнадцатый день месяца апреля, в самый день праздника Воскресения Христова, одна благочестивая и богобоязненная девица из нашего города, - говорит Евсевий, - родом из Тира, не имевшая еще и восемнадцати лет, подошла к христианам-узникам, находившимся в претории; в это время христиане с дерзновением рассуждали между собою о Царствии Божием; подойдя к ним, Феодосия начала просить их помянуть ее пред Господом, когда они, окончив свой страдальческий подвиг, предстанут Богу. Воины же, увидав девицу, поклонившуюся узникам-христианам, схватили ее и как бы сделавшую какой дурной поступок, повлекли к игемону Урвану на допрос. Игемон, исполнившись великой ярости и гнева приказал мучить ее лютыми муками. Ее ребра и сосцы были истерзаны железными ногтями, так что мясо сошло с нее до костей; потом мученицу Христову, еще живую с радостным лицом терпевшую мучения, игемон приказал утопить в море".

Так говорит Евсевий, видевший всё своими глазами.

Кроме того прибавляют, что сия святая мученица Христова Феодосия, после потопления в море, была извлечена ангелами из воды на сушу совершенно живою. И ходила святая, нося на руках своих камень, привязанный к шее ее. Потом святая была снова взята язычниками, которые и привели ее в судилище. Святая Феодосия была приговорена на съедение зверей, но она пребыла совершенно невредимой от них. Наконец мучитель приказал усечь ее мечем. Во время усекновения святой видели голубицу, вылетевшую из уст ее, сиявшую как золото и возносившуюся к небесам⁴.

Когда наступила ночь, святая мученица явилась родителям своим вместе со многими другими святыми девами; облечена была святая в одежду более белую чем снег; в руке у нее был золотой крест, а на голове венок; при этом, святая сказала родителям своим:

- Вот видите, сколь велика слава и благодать Христа моего! Вот видите, как велика слава, которой вы меня хотели лишить

Сии слова сказала святая потому, что родители ее, заметив в ней желание пострадать за Христа, всячески препятствовали ей в этом; но она тайно от них поспешила к узникам Христовым, и, как мы сказали, была взята на мучение и увенчана от Подвигоположника своего Господа Иисуса Христа, Бога нашего.

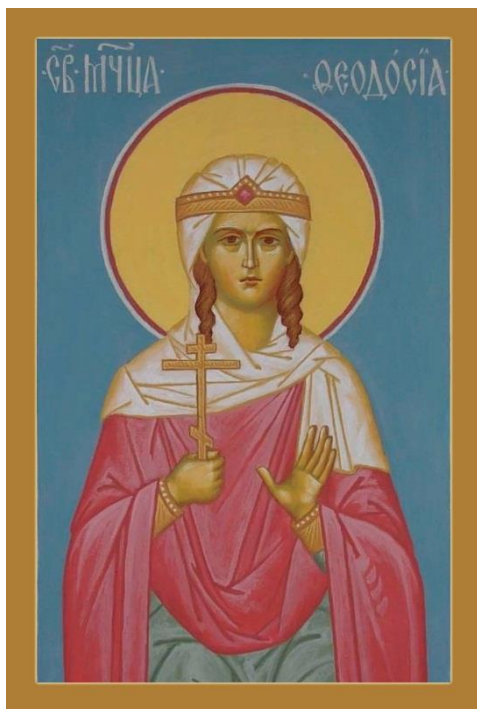
¹ Родиною святой мученицы Феодосии был город Тир. Тир расположен у северо-восточных берегов Мертвого моря на юго-западном склоне Галаадской горной цепи.

² Евсевий, епископ кесарийский (жил с 268 г. по 340 г.), – известный церковной историк, положивший начало церковной истории; отличался большою ученостью. Ему принадлежат следующие сочинения: 1) «Церковная история», доведена от времен апостольских до 324 г.; делится на 10 книг; 2) «Жизнь Константина»; состоит из 4 книг и представляет прямое продолжение «Церковной истории», 3) «Хронография». Кроме того Евсевию принадлежат многие мелкие сочинения апологетического, полемического и экзегетического характера

³ Кесария палестинская находилась на восточном берегу Средиземного моря. В древние времена Кесария была резиденцией римских прокураторов и центром общественно-политической жизни страны. В истории христианской Церкви Кесария палестинская замечательна тем, что здесь впервые был открыт язычникам доступ в Церковь Христову Апостолом Петром, крестившим сотника Корнилия (Деян.10). Здесь же происходил последний суд над Апостолом Павлом, после которого он был отправлен в Рим (Деян.26-27). - В Палестине была еще другая Кесария, в отличие от настоящей называвшаяся Филипповой. Она находилась у истоков Иордана.

⁴ Кончина святой мученицы последовала в 307 г. или в 308 г. 6 апреля. 29-е мая есть день перенесения ее мощей. Мощи святой мученицы были перенесены первоначально в Константинополь, а потом в Венецию.

Страдание святой преподобномученицы Феодосии

Святая невеста Христова Феодосия родилась в Константинополе от богатых, честных, благочестивых и добродетельных родителей. Первоначально они были неплодны в продолжении многих лет. Сокрушаясь об этом, они молились и много постились, прибегая и днем, и ночью к храмам Божиим, и щедро раздавая милостыню бедным.

Однажды когда они были в храме, построенном в честь святой мученицы Анастасии¹ на всенощном бдении, мать святой Феодосии усерднее чем раньше молилась о разрешении своего неплодства; когда она немного задремала, ей явилась святая Анастасия мученица и сказала:

- Не печалься, женщина, ибо ты зачнешь и родишь.

Проснувшись, она пришла в великую радость и сказала о видении своему мужу. Тогда муж сказал ей:

- Жив Господь! Если Он разрешит неплодство наше и если мы родим сына ли, дочь ли, принесем то в дар нашему Владыке, Христу Богу.

Спустя некоторое время его жена действительно зачала и родила сию святую отроковицу, которую и называли Феодосиею, то есть "данною от Бога", ибо она была дарована Богом. Затем просветили младенца святым крещением.

По истечении сорока дней после рождения, мать взяла свою дочь на руки и понесла ее в храм святой Анастасии, с радостными слезами воздавая благодарение Богу и святой мученице, обещая посвятить свою дочь в чин иноческий, дабы она была сопричислена к лику девственников и невест Христовых (следует заметить, что при том храме был и монастырь для девиц, посветивших себя на служение Богу).

Приняв благословение Божие, мать возвратилась к себе домой и начала воспитывать обещанное Богу дитя с великим вниманием, научая Феодосию чтению божественных книг и страху Божию и возжигая в сердце ее огонь любви божественной.

Когда Феодосии исполнилось семь лет со времени рождения, отец ее умер; тогда мать, взяв отроковицу, повела ее в монастырь святой Анастасии и отдала ее для пострижения во святой чин ангельский.

Спустя три года умерла и мать Феодосии, оставив все имение свое дочери-инокине. Но Феодосия, достигнув совершенного возраста, будучи преисполнена разума и любви к Богу, не восхотела принять имение, оставшееся ей от матери, но отдала его Богу, Которому принесла в жертву и саму себя: призвав к себе золотых дел мастера, она дала ему достаточное количество золота и серебра для скования трех икон: Христа Спасителя, Пресвятой Богородицы и святой мученицы Анастасии. Иконы эти имели величину в три локтя². Блаженная Феодосия поставила их в храме, всё же остальное имение свое раздала нищим, убогим, сиротам и вдовам, а сама в иноческой нищете продолжала служить Господу день и ночь, обогащаясь от Бога богатством духовным. Вооружаясь молитвенною броней на невидимого супостата, она умерщвляла постническими подвигами плоть, воевавшую на дух, побеждала врага бесплотного, попирала главу адского змия и низлагала гордого велиара³ смирением, кротостью, богоугодною любовью, чистотою, благоговением, послушанием и прочими иноческими добродетелями.

Однажды, когда святая молилась ночью, к ней подступил диавол и сказал:

- Вот ты ополчаешься на меня: в таком случае и я ополчусь на тебя, и не только на тебя, но и на всех христиан, ибо я нашел такого человека, посредством которого я сумею воздвигнуть брань на Церковь; я многих отвращу от поклонения иконе Христовой; многие пойдут во след меня и будут исполнять волю мою.

Святая же Феодосия, осенив себя знаменiem крестным, сказала:

- Да будешь проклят ты, диавол, противник христиан! Да уничтожатся и да погибнут все козни твои силою Христа, Бога моего!

И исчез диавол. Преподобная же Феодосия, осенив себя честным знаменiem креста, начала воспевать псалом Давидов: **"Да восстанет Бог, и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его"** (Пс.67:2).

Об этом страшном видении и об всех горделивых словах диавола святая Феодосия передала игумении своей и спросила ее:

- Откуда же может придти на христиан та беда, которую враг обещает навести?

Игумения ответствовала ей:

- Дочь моя! Апостол свидетельствует: **"Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы"** (2Тим.3:12). Ибо стадо Христово всегда было смущаемо лукавыми людьми, мудрствующими неправо, прельщающими всех и самих прельщаемых; эти лукавые люди и суть орудия диавола. Подобным образом и в настоящее время будет диаволом наведено на Церковь Божию смущение и гонение. **"А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса"** (2Тим.3:13-15).

Спустя некоторое время на правоверного царя Феодосия, прозывавшегося Адрамитином⁴, восстал воевода его, по имени Лев, называвшийся Кононом, родом исаврянин⁵. Отняв у Феодосия власть царскую, Лев воцарился сам⁶.

В первое время царствования своего он показывал себя благочестивым, но в скором же времени обратился в нового Валтасара⁷, оскверняющего святыню церковную и не поклоняющегося Христу Богу Всевышнему и честной Его иконе. И вдохнул он в Церковь яд аспидов душевредной ереси манихейской; кроме того, сей звероподобный человек, рыкая как бы львиным гласом, произносил хульные слова еретические на святые иконы, называя их идолами, поклоняющихся же им называл идолопоклонниками. Нечестивой царь

сей издал приказ, которым повелевал уничтожить поклонение иконам по всему своему царству.

В это время престол константинопольский занимал святой Герман⁸. Он вместе с прочими православными епископами весьма противился царю и не принимал его еретического приказа, повелевавшего отречься от почитания икон. Герман говорил сему хулителю:

- После того как Владыка и Спас наш воплотился от честных кровей Пресвятой Богородицы и исполнил все божественные предначертания о спасении нашем, - уничтожена всякая служба идолам и все идольские изображения преданы огню. Прошло уже более семисот лет после того как подвизались Апостолы и возвестили миру спасительное учение Христово. За эти семьсот лет было весьма много праведных и преподобных отцов, и ни один из них не похулил святых икон, тем более ни один из них не слыхал о том нечестивом мудровании, какое вы вносите в Церковь, отвергая почитание святых икон, по долгу воздаваемое святыням от древности. Ибо святая Церковь приняла обычай почитать честные иконы от самой древности, начиная с того нерукотворенного образа, который Сам Спаситель послал на полотенце Авгарю, князю эдесскому. Затем кровоточивая женщина, исцелившаяся от прикосновения к краю одежды Христовой, после вознесения Господня на небо, сделала из камня подобие Иисуса Христа. Потом святой Евангелист Лука написал икону Пречистой Девы Богородицы; с этого времени начался благочестивый обычай писания святых икон и украшения ими храмов Божиих и домов христианских. Вот и бывшие ранее нас шесть вселенских соборов⁹ не похулили сего обычая, но, наоборот, повелели поклоняться изображениям святых, а не отвергать их. Знай же, царь, что я ради святых икон готов не только потерпеть какое угодно зло, но готов принять и самую смерть, ибо икона Христова носит имя Того Самого Христа, Которой воплотился от Пренепорочной Девы Марии и пожил на земле с людьми. Каждый благочестивый христианин должен быть готов умереть как за имя Христово, так и за Его честные иконы, потому что тот, кто бесчестит икону, бесчестит и того самого, кто изображен на этой иконе".

Услышав это, царь преисполнился гнева и ярости; зарывав, как лев, он начал свирепствовать с большою жестокостью, преследуя верующих и предавая различным смертям всех, противившихся ему. Прежде всего он послал воинов своих с оружием и повелел им прогнать с патриаршества святого Германа с бесчестьем и побоями; вместо Германа Лев поставил лжепатриарха Анастасия¹⁰, еретика и единомышленника своего. Затем Лев приказал предать огню все божественные книги и писания богомудрых учителей. Следует заметить, что при храме Святой Софии была библиотека, имевшая около трехсот тысяч книг; при библиотеке этой было двенадцать училищ и столько же мудрых учителей; начальником же над этими учителями был мудрой гимназиях, принявший честь эту от царя и от патриарха. Все сии учителя воспротивились безбожному приказанию нечестивого императора; поэтому незаконный мучитель, окружив вместе со своими воинами библиотеку ту и все училища с учителями и учениками, подпалил ее со всех сторон и сжег, так что никто из бывших там не спасся от огня, не уцелела от огня и ни одна книга.

В это время весь город Константинополь повергся в великую скорбь и печаль; все плакали и воздыхали; одни сожалели о несправедливом изгнании святейшего патриарха Германа, другие о сожжении столь большого числа книг и гибели мудрых учителей, иные о великом бесчестьи, наносимом иконам, ибо иконы повсюду сокрушались, бросались в болота и сжигались на кострах.

Новопоставленный же патриарх-еретик, Анастасий, стоявший на святом месте как мерзость запустения (Мф.24:15), был весьма угоден царю, так как всячески споспешествовал ему в его иконоборном еретичестве. Сей лжепатриарх вскоре же выбросил честные иконы из великой церкви и приказал сделать тоже и по всем прочим церквям.

В Константинополе были ворота, называвшиеся "медными"; они были построены еще во времена великого Константина и вели к царским палатам. Над этими воротами находился

медный образ Спасителей, висевший здесь в продолжении четырех сот и даже более лет. Тот злочестивый патриарх вознамерился снять и предать огню сей честной образ, для чего и послал воинов с топорами на нечестивое дело. Когда начальник воинов тех, саном спафарий, приставив к воротам лестницу, начал подниматься по ней с топором в руках и уже готовился приступить к своему богопротивному делу,- его увидели некоторые благочестивые женщины, случайно проходившие там; увидали его также и инокини, в числе которых была и преподобная Феодосия; разжегшись ревностью по иконе Христовой и побуждаемые сею блаженною Феодосиею, более всех их ревновавшей об честных иконах и преисполненною божественного мужества и дерзновения,- инокини те побежали к лестнице и опрокинули ее на землю; вместе с тем они низвергли и воина того, который, упав с высоты, весьма расшибся. Они же, влача его по земле, били до тех пор, пока он не умер; затем с поспешностью пошли к патриарху Анастасию и начали поносить нечестие его; они укоряли его, как волка, хищника, еретика и врага Церкви Христовой; потом начали метать в него камнями. Анастасий же, преисполнившись стыда и опасаясь как бы не поднялся против него общенародный мятеж, поспешил к царю и возвестил ему о нанесенном ему женщинами теми бесчестии, возвестил также и о убиении спафария при вратах медных. Царь, преисполнившись гнева и ярости, тотчас же, послав воинов своих с обнаженными мечами, приказал им отомстить за бесчестие патриарха и смерть спафария. И посечены были те святые жены за ревность, явленную ими по благочестью; блаженную же инокиню Феодосию, как более благородную по происхождению своему и с большим дерзновением исповедывавшую благочестие и как виновницу всего происшедшего, царь приказал взять и заключить в темницу, нанося ей ежедневно по сто ударов. Так мучима была святая в продолжении семи дней.

На восьмой день мучитель приказал водить святую по всему городу и бить ее без милосердия. Когда святая была приведена на место, называвшееся "Воловьим торгом" (здесь продавались и закалались животные)¹¹, случилось, что один воин, сопровождавший святую, нечаянно наступил на большой козий рог и поранил им свою ногу. Разгневавшись, он взял рог тот и начал бить им без милосердия святую мученицу по голове, затем ударил святую тем рогом в горло и проткнул его; и тотчас святая преподобномученица девица Феодосия, священная невеста Христова предала свою честную душу в руки бессмертного Жениха своего и отошла в небесной чертог Его, будучи увенчана двойным венцем и девства, и мученичества¹². Многострадальное же тело ее, брошенное на землю, было взято христианами с благоговением и похоронено в особом месте. От честных мощей святой Феодосии подавались исцеления болящим во славу Христа, Бога нашего, прославляемого со Отцом и Святым Духом, ныне и в бесконечные веки. Аминь¹³.

Тропарь, глас 4:

Добродетель благоприятно мученице постигла еси, Христово приятелище бывши чистое, и Святаго Духа дом возлюблен: отнюдуже посрамила еси врага борющаго род человеческий, добре страдавшая, и посекала еси Копронима Феодосие, мечем веры: и к чертогу небесному представилася еси радующися. Тебе верую чтущим присно проси велия милости.

Кондак, глас 2:

Трудами живот нетрудный достигла еси, кровию же Копронима удавила еси мученице, сквернао врага Христовы церкви, всеблаженная Феодосие: и с вышними радуешься воинствы, чтущия память твою покрывающи.

¹ Здесь вероятно разумеется св. мученица Анастасия, память которой празднуется 29 октября.

² Локоть равнялся 8-10 вершам.

³ Велиар или, правильнее, Велиал - по переводу с еврейского значит: негодный, нечестивый, злой. Это наименование Апостол Павел усвоит диаволу, источнику всякого зла (2Кор.6:15).

⁴ Феодосий 3-ий Адрамитин царствовал с 715 г. по 716 г.

⁵ Исаурия - малоазийская область, граничившая на востоке с Ликаонией, на севере с Фригией, на западе с Писидией и на юге с Киликией.

⁶ Лев 3-й Исаур царствовал с 716 г. по 741 г.

⁷ Валтасар - один из потомков Навуходоносора, царь вавилонский, - известен как нечестивый и развратный человек (см. Дан.5:1-4,22-23). Он осквернил священные сосуды иудеев, захваченные Навуходоносором из Иерусалима (Дан.5:3).

⁸ Герман (1-ой) патриаршествовал с 715 г. по 730 г. Он причислен православной Церковью к лику Святых. См. житие его под 12 мая.

⁹ 7-ой Вселенский собор еще не был созван в это время.

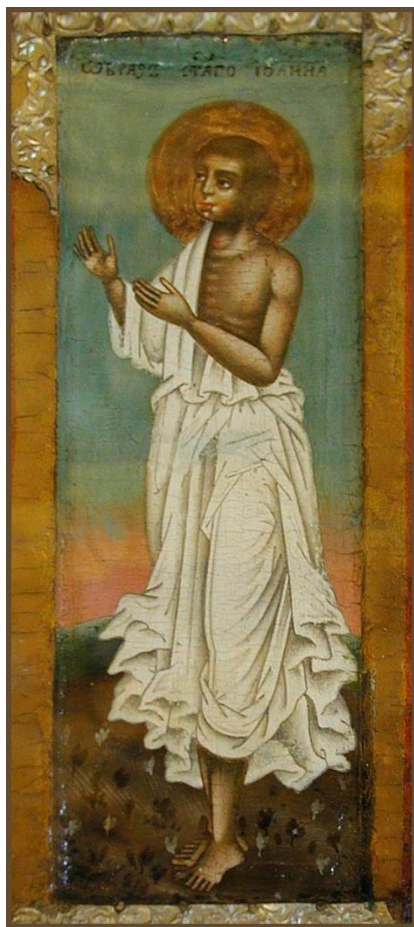
¹⁰ Анастасий патриаршествовал с 730 г. по 753 г.

¹¹ По объяснению некоторых место это называлось «Воловьим» потому, что здесь была печь, в виде вола, в которой сжигались преступники.

¹² Кончина святой мученицы Феодосии последовала в 730-м году.

¹³ Сохранились сведения о чудесах от мощей святой мученицы, записанные великим логофетом (хранителем патриаршей печати) Константином, жившим в XIII-м веке. Один юноша из Фригии, лишившийся употребления ног, получил совершенное исцеление после того как был принесен ко гробу святой мученицы; другой юноша, упавший с коня и лишившийся рассудка, мгновенно исцелел, после того как был принесен ко гробу святой Феодосии и помазан здесь елеем от лампы; сам Константин логофет говорит о себе, что он сильно страдал болезнью в ногах, которой не могли вылечить лучшие врачи; но, прибегнув к святой мученице, получил полное исцеление. Константин логофет в своем сказании замечает, что чудеса, сотворенные святою Феодосиею, неисчислимы. Честные мощи святой мученицы были положены в монастыре Диократис или Дексикратис (имя патриция, построившего монастырскую церковь), неподалеку от Золотого рога в Константинополе.

Память святого юродивого Иоанна, устюжского чудотворца

Блаженный Иоанн родился от благочестивых родителей, - от отца, по имени Саввы, и матери Наталии, - в окрестностях великого города Устюга¹, в селе, носившем название Пухово и расположенном по ту сторону реки, называемой Сухоною, где находился древний город Устюг. С юных лет он обнаружил необыкновенное воздержание. По средам и пятницам он ничего не ел, а в прочие дни питался только хлебом и водою, при чем ночи всегда проводил без сна в молитве и всегда ходил с грустным и жалостным лицом, так что те, кто видел его, думали, что он не в полном уме. Так блаженный отрок поступал всегда, и мать его много раз убеждала его изменить такой образ жизни, говоря:

- Дитя мое, не изнуряй тела своего неупотреблением пищи; такое суровое воздержание может причинить тебе болезнь.

- Не принуждай меня к этому, мать моя, - отвечал на это отрок, - воздержание избавит меня от грехов.

- Какие же грехи, дитя мое, - спрашивала мать, - имеешь ты, будучи в таких юных годах? Одна благодать Божия в тебе и никаких грехов мы не видим у тебя.

На это отрок отвечал матери:

- Мать моя! перестань говорить такие слова, послушай, что говорит Писание: пусть никто из людей не хвалится тем, что он безгрешен; без греха - Один только Бог (Рим.3:10,23; 1Иоан.1:8, 9). И еще: пища и питье не приблизят нас к Богу (1Кор.8:8). Посему не будем питать тела своего, чтобы оно

не стало врагом нашим.

Такими словами уговаривал блаженный Иоанн мать свою. Хотя сам он был и неграмотен, но научен был данною ему благодатию Святого Духа, как сказал пророк: **"Войду в размышление о силах Господа Бога; вспомяну правду Твою - единственно Твою"** (Пс.70:15-16).

После сего отец блаженного из села Пухова переселился в находившийся тоже в окрестностях Устюга город, по имени Орлец², на реку Юг и здесь скончался. Тогда мать его отправилась в бывший там монастырь Живоначальные Троицы, приняла иноческое пострижение и вскоре избрана была игуменьей этого монастыря. Все время она имела сына при себе, но блаженный отрок, познав суету мира сего, принял на себя вид юродивого³, и мать, видя, что он так ведет себя, предоставила его воле Божией.

После сего преподобный Иоанн ушел из монастыря и, пришедши в город Устюг, поселился вблизи соборной церкви Пресвятой Богородицы, честного Ее Успения в церковной сторожке. Бодрствуя по ночам, он возносил непрестанные молитвы Господу, а днем старался казаться людям юродивым и бегал по улицам, чтобы не узнали его притворства. Отдыхал он обыкновенно на навозе и ходил совершенно нагим, только на поясице носил одно разорванное рубище. Но когда случалось ему одевать на себя рубашку, то и она всегда была ветха и никогда он не мыл ее. Много терпел преподобный от легкомысленных людей оскорблений, насмешек и побоев, постоянно терпел голод и жажду и при этом ни от кого ничего не брал. Однажды вследствие зимнего холода он влез в сильно раскаленную печь, лёг в ней на горящие угли, как на постель, и нисколько от этого не пострадал. Кроме сего он исцелил от горячки жену одного князя, по имени Феодора, прозванного Красным⁴, княгиню, по имени Марию.

Проведши так жизнь свою, блаженный Иоанн, узнав о своем отшествии ко Господу, помолился о всем мире, оградил себя крестным знамением и, легши на землю, предал святую душу свою в руки Божии. Это произошло в 1494 году, в 29 день месяца мая. Преподобный погребен был вблизи соборной церкви и творит чудеса тем, кто с верою обращается к нему⁵.

Тропарь, глас 5:

Наготою телесною, и терпением обнажил еси вражия коварствия, обличая неподобное его деяние, зельне стражда солнечный вар, и нуждныя великия студени, мраза и огня не чул еси, Божиею помощию покрываемь, Иоанне премудре. О верою творящих память твою честно и усердно притекающих к раце мощей твоих моли избавитися от бед и падения избежати.

Кондак, глас 8:

Вышняя красоты желая, нижняя сладости телесное ядение тщательно оставил еси, нестяжанием суетнаго мира, возлюбил еси ангельское житие, преходя скончався Иоанне блаженне: с нимиже моли Христа Бога непрестанно о всех нас.

¹ Великий Устюг, ныне уездный город- вологодской губернии, находится на левом берегу реки Сухоны при впадении в нее реки Юга.

² Город Орлец находился в 40 верстах от Устюга на притоке Сухоны Юге.

³ Юродивый собственно значит глупый, безумный. Так называются христианские подвижники, представлявшие глупыми или странными из смирения и ради вечного своего спасения.

⁴ Это был устюжский наместник, князь Феодор Красный.

⁵ Жители города Устюга обращались с молитвою к блаженному Иоанну во время бедствий междоусобицы и ему предписывали победу царского войска над Сапегою в 1610 году, а в 1613 году молитвами устюжских чудотворцев (Прокопия и Иоанна) не только защитили свой город от поляков, но и разбили их. В Устюге построена церковь во имя блаженного Иоанна.

Иоанн и Мария Устюжские, праведные

В трудное и несчастное время татарского ига вся Русская земля была обложена податью в пользу хана. Даже в самые отдаленные пределы, не испытывавшие татарского погрома, в Великий Устюг, послан был Батыем баскак для сбора податей в ханскую казну. Тяжелы были для народа эти баскаки, или сборщики: много они делали различного рода несправедливостей, обид и притеснений гражданам, под видом ханской дани обогащали себя и не знали меры своему корыстолюбию и самодовольству.

Таков был и устюжский баскак Буга, или Багу, татарин по происхождению, по вере язычник. Он не уступал другим баскакам ни в сребролюбии, ни в деспотизме. Глухой ропот слышался в народе, злоба и ненависть к Буге накопилась среди христиан. Но Буга не замечал народного недовольства и, видя покорность жителей, становился еще более необузданным и дерзким.

Однажды Буга увидел дочь одного почтенного гражданина Марию, и грубый язычник пленился девственной ее красотой. Не зная другого закона, кроме своей воли, татарин насильно взял ее себе в наложницы, несмотря ни на ее вопли и слезы, ни на просьбы и дары родителей. Терпеливо переносили устюжане поборы и грабительства баскака, но такого насилия и своеволия не могли снести. Народ заволновался и стал говорить, что надобно убить баскака, что в Ростове, Суздале и Владимире (это было в 1262 году) уже убили их и что будто бы сам великий князь Александр желает того и велел изгонять и избивать их. Но чтобы избежать предстоявшей опасности, Буга, по совету Марии, решил принять крещение и вступить с ней в христианский брак. Принятием святого крещения и вступления в брак Буга примирился с правосудием Божиим, успокоился и народ, видя, что он законным браком загладил свое преступление. В святом крещении Буга назван был Иоанном, в честь святого мученика Иоанна Воина, празднуемого 30 июля/12 августа.

Не превосходство христианства перед язычеством, но один только страх смерти побудил баскака принять святое крещение. Господь явил Себя не искавшему Его и открылся не вопрошавшему о Нем, но воспитанная в христианском благочестии добрая жена его своими советами и убеждениями и особенно примером своей высоконравственной жизни скоро тронула его сердце и заставила полюбить принятую им русскую веру. Дикий сын степей с умилением слушал рассказы любимой им женщины и чем более знакомился с догматами и требованиями Православия, тем более прилеплялся к нему сердцем. Скоро он сделался примерным христианином и приобрел всеобщую любовь и уважение граждан. Так Господь различные случаи и обстоятельства, даже самые беды и несчастья, встречающиеся в жизни человека, направляет к его пользе и спасению.

По тогдашнему обычаю богатых людей, однажды Иоанн ездил с соколом на охоту. Утомившись от езды, сошел он с коня и прилег отдохнуть, скоро и уснул. Во сне явился ему дивный величественный муж и сказал: «На этом месте поставь церковь в мое имя». Иоанн не знал, кто говорит с ним, но не решался и спросить явившегося о имени. Заметив то, дивный муж сам сказал ему: «Поставь церковь Рождества Иоанна Предтечи». Поспешно возвратившись домой, Иоанн рассказал жене своей о бывшем ему сновидении и спросил: «Кто такой Иоанн Предтеча?» Мария объяснила ему, показав на иконе изображение Иоанна Крестителя, и советовала своему мужу поспешить исполнением того, что ему было приказано в сновидении. И вскоре была построена церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, отчего и самая гора вместо соколей стала называться Ивановской. Благочестивые супруги богато украсили храм и снабдили его всем нужным для богослужения. Проводя чистую и святую жизнь, они и сами старались сделаться живыми храмами Божиими.

В Устюге в то время подвизался прп. Киприан, начальник и основатель Устюжского Архангельского монастыря. С любовью и уважением относился Иоанн к прп. Киприану, как к истинному рабу Божию, удивлялся его великим трудам и терпению и приходил в умиление и восторг от рассказов о подвигах преподобного, ибо он не слыхал ничего

подобного на своей родине. Еще более благотворное влияние оказывал на благочестивую чету, на ее утверждение в вере и добродетели, другой избранник Божий, скрывавший в себе духовную мудрость под покровом безумия. Преподобный Прокопий, рожденный и воспитанный хотя в христианстве, но вне Православия, и, подобно Буге, принявший святую веру уже в совершенных летах, много лет проходил в Устюге высокий и трудный подвиг юродства ради Христа. Этот самопроизвольный мученик, обрекший себя на неприятности и лишения всякого рода, нередко заходил в дом Иоанна и Марии. Оставляя на время юродство, он любил с ними беседовать от всего сердца, укреплял и утверждал их в благочестии и сам утешался их верой и смирением.

Благочестивые супруги Иоанн и Мария, проводя воздержную и чистую жизнь, с каждым годом восходили от силы в силу в жизни духовной, снискали от граждан всеобщую любовь и уважение и оставили после себя добрую память, еще при жизни получив от современников название праведных. Не дошло до нас никаких сведений о их блаженной кончине, кроме того, что они скончались уже в старости, в летах преклонных, каковыми и изображаются на иконах, и были погребены при градской Вознесенской церкви. Впоследствии времени, при построении новой Вознесенской церкви, место погребения их вошло внутрь здания храма, над гробницей устроена была рака и отправлялось им празднование по особо составленной службе. После многократных перестроек Вознесенской церкви – то после пожаров, то вследствие других причин – единственным памятником места погребения их служит образ праведных Иоанна и Марии, стоящий под окном, на внешней стороне стены, в нише.

В древних рукописных святцах праведные Иоанн и Мария называются начальниками древнего Устюга.

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

Преподобный Иов (в схиме Иисус) Анзерский

Дни памяти

19 марта

11 июня - Обретение мощей

29 июня (переходящая) - Собор Новгородских святых

22 августа - Собор Соловецких святых

7 сентября (переходящая) - Собор Московских святых

1 ноября - Собор святых Архангельской митрополии

Преподобный Иов (в схиме Иисус) Анзерский родился в 1635 году в Москве, стал священником и славился благочестием, милосердием и даром молитвы. Став духовником Петра I, был оклеветан и сослан на Соловки, где принял монашество. Позже основал Голгофо-Распятский скит на Анзерском острове, где подвизался в строгом аскетизме, чудотворениях и руководстве братией. Предсказав свою кончину, он мирно отошёл ко Господу 17 марта 1720 года. Прославлен в лике святых в 2000 году.

Преподобный Иов, в схиме Иисус, Анзерский родился в Москве в 1635 году и во Святом Крещении был назван Иоанном. Вероятнее всего, происходил он из духовного звания, был воспитан в добрых нравах и получил хорошее воспитание. По достижении зрелого возраста благочестивый Иоанн был поставлен священником одной из московских приходских церквей и проходил своё служение с таким вниманием и любовью, что имя его скоро

сделалось известным по Москве. Истинное утешение он находил в совершении Литургии, которую служил с таким вниманием, благоговением и воодушевлением, что все невольно молились усерднее обыкновенного.

Он жил строго, по-монашески, в посте и постоянной молитве: «Помилуй мя, Господи! Пощади мя, Господи!» После молитвы любимым делом отца Иоанна было творить милостыню. Он близко входил в положение своих прихожан, для бедняков часто устраивал трапезу, а для облегчения участи несчастных пользовался своим авторитетом среди влиятельных знакомых. Ворота его дома были всегда открыты, и всякий мог свободно прийти к любимому пастырю. А он после беседы при прощании одарял ещё каждого, чем мог.

Весть о добром пастыре дошла вскоре и до самого императора Петра I. Император сделал отца Иоанна сначала придворным священником, а потом и духовником всего царственного дома. Став лицом важным, отец Иоанн ещё более и шире, чем прежде, стал благотворить ближним, ни в чём остальном не изменяя прежнего скромного образа жизни.

Особенной любовью его с этого времени стали пользоваться богадельни и тюрьмы, которые он часто навещал. Посещая заключённых, он через Слово Божие благотворно влиял на преступников, невинно осуждённых укреплял в терпении, тому же, кто отбывал срок за долги, помогал расплачиваться.

С годами отец Иоанн, посвятив себя богомыслию, выходил из дома только на церковные службы, не прекращая благотворений через доверенных лиц.

Через некоторое время случилась со старцем-иереем тяжкая болезнь (малокровие и обмороки), однако через три месяца он поправился и, как бы предчувствуя приближавшуюся беду, стал опять всех принимать и со всеми прощаться. И предчувствие не обмануло святого старца.

Когда началось «дело Гришки Талицына», проповедника пришествия антихриста, коим он считал Петра I, отец Иоанн был оклеветан. Гришка во время исповеди открыл батюшке своё злоумышление, а отец Иоанн, сохраняя тайну исповеди, не донёс о сем начальству. Во время допросов Гришка объявил, что он исповедался пред духовником. На отца Иоанна донесли государю, который счёл обвинения против духовника обоснованными и приказал отправить отца Иоанна к епископу Холмогорскому Афанасию для пострижения в монахи на Соловках.

Безропотно отправился старец в 1701 году в далёкий Архангельск. С любовью приняли его и владыка Афанасий, и настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Фирс. Вскоре отец Иоанн был пострижен в монашество с именем Иов в главном Преображенском соборе обители. По пострижении он был отдан под руководство старца Ионы. Бывший придворный священник трудился вместе с другими иноками на самых суровых послушаниях. Сам он ничего не вкушал, кроме хлеба и воды.

Братия, увидев в старце Иове мужа совершенна, освободила его от послушаний, дабы он всё время посвящал молитве, посту и поучению в Слове Божиим. Слава о старце снова стала расти и дошла до царя. Царь же, убедившись в невинности своего духовника, снова звал его к себе, но изнурённый годами и подвигами старец отказался от такого предложения и просил у настоятеля разрешения удалиться в Анзерский скит на безмолвие. В 1702 году просьба его была уважена, а вскоре, по кончине прежнего строителя скита, отец Иов был назначен на должность строителя, которую исполнял восемь лет. При нём число насельников возросло до 30-ти.

Помня слова Господни: «Ему же дано будет много, много и взыщется от него» (Лк.12:48), – на новом поприще священноинок Иов положил много труда и забот. Мудрый наставник всех учил смиренному послушанию Богу и начальникам как первой добродетели, без которой не может быть спасения; приучал к постоянному труду и заботе о ближних. Особым подвигом, который принял на себя отец Иов, был уход за больными. Он сам посещал больных, омывал и перевязывал им раны, а нередко исцелял их недуги своей молитвой. При этом церковных служб и келейного правила он никогда не опускал.

Часто он любил удаляться на безмолвие, иногда посещал пустытника Паисия, одного из младших учеников преподобного Елеазара Анзерского, который жил на Секирной горе. В 1710 году отец Иов, по его желанию, был пострижен в схиму с именем Иисус, в честь праведного Иисуса – сына Навина.

Вскоре Сама Матерь Божия определила дальнейший путь иеросхимонаху Иисусу: Она явилась ему в тонком сне вместе с первоначальником и покровителем скита преподобным Елеазаром Анзерским и сказала, что на горе, отныне называемой второй Голгофою, на Анзерском острове, будет устроена церковь Распятия Иисуса Христа и учредится скит. Приняв этот чудесный сон за благословение Божие, старец Иисус в 1714 году переселился на жительство на гору Голгофу и с помощью учеников, схимонаха Матфея и монаха Макария, основал Голгофо-распятный скит, где продолжил свой многотрудный подвиг.

В духовной радости преподобный Иисус с другом своим Паисием не замедлили исполнить небесное повеление и освятили гору.

Вскоре в 1713 году строительство скита было благословлено преосвященным Варнавою. Была выстроена церковь в честь Распятия Господня и освящена в 1715 году. Устроились кельи и собралось братьев 20 человек. Царствующий дом внёс немало пожертвований в обустройство нового скита.

В основу братской жизни преподобный Иисус положил те же начала, кои были установлены преподобным Елеазаром в Анзерском скиту. Сам престарелый строитель, в пример братии, нередко рубил дрова, носил на гору воду, в пекарне затворял тесто. В своей кельи старец постоянно занимался рукоделием, а деньги, которые за это выручал, делил на три части: на нужды церковные, на нужды братии, на милостыню нищим. Себе он не оставлял ничего, имея при себе лишь несколько духовных книг.

За богоугодную жизнь преподобный был удостоен особенных откровений. По его горячим молитвам Сама Пресвятая Богородица явилась ему в кельи и назвала место на горе, где можно рыть колодец и получить воду, столь необходимую для нужд монастыря. Когда был открыт чудесный источник, преподобный вразумил братию: «Никогда не скорбите, не малодушествуйте, но всегда уповайте на Бога. Помните обещание Его: "Мать исчадие свое скорее забудет, нежели Аз вас"». Святой угодник с помощью Божией сумел предвидеть злые намерения пришедших однажды к нему чужих людей и своей молитвой: «Господи, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу», – усыпил злоумышленников на пять дней и ночей и этим привел их к искреннему покаянию. В другой раз он наказал воров, заставив простоять их неподвижно под тяжестью награбленного два дня, пока те не взмолились о пощаде.

Предчувствуя свою кончину, старец сам выкопал себе могилу и нередко близ неё проводил время в молитве. Еще задолго до смерти святой известил братию, что умрет он в воскресный день до восхода солнца. Всю жизнь посвятив служению Богу и ближним, смиренный подвижник, готовясь к назначенному часу, сокрушенно каялся, что слишком мало угождал Господу. Перед смертью он заболел горячкой и три дня лежал в бессознательном состоянии, но потом вдруг так поправился, что смог отслужить литургию. После литургии старец снова возлёг на одре, назначил преемником по управлению скитом ученика Макария и в ночь на 17 марта (это был воскресный день, как и говорил старец) 1720 года – в Неделю православия – свято почил о Господе. Перед кончиной лицо его просияло, и он произнёс: «Благословен Бог отец наших! Если так есть, я уже не боюсь, но в радости отхожу от мира сего!» В ту же минуту келью осиял небесный свет, разлилось благоухание, и слышна была псаломская песнь: «Яко пройду в место селения дивна даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания, шума празднующих» (Пс.41:5). Преподобный был погребён в уготованной им самим могиле, над которой был выстроен храм.

Причислен к лику преподобных Русской Православной Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском Соборе в августе 2000 года.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-ioy-v-shime-iisus-anzerskij>

Память I Вселенского Собора (325)

Память Первого Вселенского Собора торжественно отмечается в воскресенье, следующее за Вознесением, но в непереходящем цикле некоторые рукописные варианты «Константинопольского Синаксаря» (см.: Delehayе. Syn. Ср., 716) указывают тот же день, когда отмечается память св. Александра Александрийского (греч.), что позволяет нам и тут присоединить к его поминанию память Никейского Собора. См. статью о св. равноап. Константине под 21 мая. («Синаксарь», составленный афонским иеромонахом Макарием из обители Симонопетра)

Память Первого Вселенского Собора празднуется Церковью Христовой с древнейших времен. Господь Иисус Христос оставил Церкви великое обетование: «Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее» (Мф.16:18). В этом радостном обетовании находится пророческое указание, что, хотя жизнь Церкви Христовой на земле будет проходить в трудной борьбе с врагом спасения, победа на Ее стороне. Святые мученики засвидетельствовали истинность слов Спасителя, претерпев страдания за исповедание Имени Христова, и меч гонителей склонился перед победоносным знаменем Креста Христова.

С IV века прекратились преследования христиан, но внутри самой Церкви возникли ереси, на борьбу с которыми Церковь созывала Вселенские Соборы. Одной из опаснейших ересей было арианство. Арий, Александрийский пресвитер, был человеком безмерной гордыни и честолюбия. Он, отвергая Божественное достоинство Иисуса Христа и Его равенство с Богом Отцом, ложно учил, что Сын Божий не Единосущен Отцу, а сотворен Отцом во времени. Поместный Собор,

созванный по настоянию Александрийского патриарха Александра, осудил лжеучение Ария, но тот не покорился и, написав многим епископам письма с жалобой на определение Поместного Собора, распространил свое лжеучение по всему Востоку, ибо получил поддержку в своем заблуждении от некоторых восточных епископов. Для расследования возникшей смуты святой равноапостольный император Константин (память 21 мая) направил епископа Осию Кордубского и, получив от него удостоверение, что ересь Ария направлена против самого основного догмата Христовой Церкви, решился созвать Вселенский Собор. По приглашению святого Константина в город Никею в 325 году собрались 318 епископов – представителей христианских Церквей из разных стран.

Среди прибывших епископов было много исповедников, пострадавших во время гонений и носивших на телах следы истязаний. Участниками Собора были также великие светильники Церкви – святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских (память 6 декабря и 9 мая), святитель Спиридон, епископ Тримифунтский (память 12 декабря) и другие почитаемые Церковью святые отцы.

Александрийский патриарх Александр прибыл со своим диаконом Афанасием, впоследствии патриархом Александрийским (память 2 мая), названным Великим, как ревностный борец за чистоту православия. Равноапостольный император Константин присутствовал на заседаниях Собора. В своей речи, произнесенной в ответ на приветствие епископа Евсевия Кесарийского, он сказал: «Бог помог мне низвергнуть нечестивую власть гонителей, но несравненно прискорбнее для меня всякой войны, всякой кровопролитной битвы и несравненно пагубнее внутренняя междоусобная брань в Церкви Божией».

Арий, имея своими сторонниками 17 епископов, держался гордо, но его учение было опровергнуто и он отлучен Собором от Церкви, а святой диакон Александрийской Церкви Афанасий в своей речи окончательно опроверг богохульные измышления Ария. Отцы Собора отклонили символ веры, предложенный арианами. Был утвержден православный Символ веры. Равноапостольный Константин предложил Собору внести в текст Символа веры слово «Единосущный», которое он часто слышал в речах епископов. Отцы Собора единодушно приняли это предложение. В Никейском Символе святые отцы сформулировали апостольское учение о Божественном достоинстве Второго Лица Пресвятой Троицы – Господа Иисуса Христа. Ересь Ария, как заблуждение гордого разума, была обличена и отвергнута. После решения главного догматического вопроса Собор установил также двадцать канонов (правил) по вопросам церковного управления и дисциплины. Был решен вопрос о дне празднования Святой Пасхи. Постановлением Собора Святая Пасха должна праздноваться христианами не в один день с иудейской и непременно в первое воскресенье после дня весеннего равноденствия (который в 325 году приходился на 22 марта).

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-sobor-pervyj-vselenskiy-sobor>